

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОШЛА – ВОПРОСЫ ОСТАЛИСЬ

Одним из самых авторитетных форумов, на котором обсуждаются наиболее актуальные экономические, социальные вопросы, где происходит конструктивный интеллектуальный диалог между теоретиками и практиками, представителями власти, бизнеса и науки, между российскими и зарубежными экспертами, является Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, которую организует Государственный университет - Высшая школа экономики при поддержке Всемирного банка и Международного валютного фонда.

В этом году для дискуссии были предложены две основные темы. Одна из них – «Модернизация экономики: рынки, фирмы и структурные сдвиги». По мнению Председателя оргкомитета конференции, научного руководителя ГУ-ВШЭ Евгения Ясина, важность этой темы обусловлена тем обстоятельством, что в предстоящей перспективе ключевая проблема российской экономики – это не просто макроэкономическая стабильность, стимулирование роста, а гораздо более детальная работа. Она состоит в том, чтобы создавать оптимальные условия для развития экономики и культуры, делая акцент на внутренние силы. Прежде всего на бизнес, а не на государство и экономическую политику. Сотрудники ГУ-ВШЭ подготовили к конференции специальный доклад, в котором показано, что успех достигается в большей степени там, где больше конкуренции, где меньше присутствует государство.

При обсуждении этой проблематики особое внимание было уделено проблемам научно-технической и инновационной политики — симпозиум по этой теме прошел 7 апреля.

По мнению первого проректора ГУ-ВШЭ Леонида Гохберга, этот научный форум органично вписывается в проект Седьмой рамочной программы Евросоюза «Создание сети международного сотрудничества в сфере науки и технологий с восточно-европейскими и центрально-азиатскими странами (ВЕЦА)» (S&T International Cooperation Network for Eastern European and Central Asian Countries, IncoNet EЕСА). Проект, стартовавший в январе 2008 года, рассчитан на четыре года, охватывает 23 организации из 21 страны ЕС, ассоциированных государств и СНГ. Его российским участником выступает ГУ-ВШЭ, а симпозиум в Вышке является составной частью проекта IncoNet. На политическом уровне основной задачей проекта является организация политического диалога, включающего обсуждение стратегий и приоритетных направлений сотрудничества, в том числе глобальных проблем, с помощью проведения серии конференций – Policy Stakeholders Conferences – в разных

странах. Первая такая конференция прошла в прошлом году в Афинах, местом проведения второй, которую и открыл нынешний симпозиум, стала Высшая школа экономики.

На практическом уровне, отметил Л. Гохберг, в рамках проекта реализуется целый ряд мероприятий, направленных на углубление координации и усиление участия организаций и исследователей из стран ВЕЦА в 7-ой Рамочной программе (7РП), их интеграцию в европейское исследовательское пространство. Цель нынешней конференции, в частности, состоит в том, чтобы обсудить современное состояние, задачи научно-технической и инновационной политики стран ЕС, ассоциированных стран (АС) и ВЕЦА, а также вклад научных сообществ в разработку этой политики.

На нынешней XI конференции ГУ-ВШЭ слово «инновации», продолжал первый проректор, является, пожалуй, самым популярным, оно уже звучало в выступлениях членов Правительства РФ, ученых, предпринимателей. «И это не случайно, это слово символизирует собой самые актуальные на сегодня вопросы не только российской политической повестки дня, но и глобальной повестки дня», — сказал Л. Гохберг. Что касается российской повестки дня, то о важности вопросов внедрения новаций свидетельствуют и работа Комиссии по модернизации экономики, которую возглавляет Президент РФ Дмитрий Медведев, и работа правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, которую недавно возглавил председатель Правительства РФ Владимир Путин, а также целый ряд запущенных в последнее время новых программ, в том числе Программа поддержки национальных научно-исследовательских университетов (среди которых и ГУ-ВШЭ), и новый перечень приоритетных направлений и критических технологий, который должен быть в самое ближайшее время утвержден Президентом России, и технологические платформы — совершенно новый инструмент частно-государственного партнерства в сфере науки и инноваций. Это и бурный рост институтов развития в России. «Налицо, таким образом, колоссальное продвижение вперед», — заметил Л. Гохберг, выразив надежду, что конференция в ГУ-ВШЭ, сочетающая теоретические и практические подходы и взгляды, внесет свой достойный вклад в эти важные и серьезные процессы.

Директор департамента государственной научно-технической и инновационной политики Министерства образования и науки РФ Александр Наумов сообщил на симпозиуме, что уже подготовлены новые приоритетные направления развития науки, техники и критических технологий в Российской Федерации, их перечень внесен в Правительство и в ближайшее время эти приоритеты будут утверждены указом главы

государства. «Несмотря на влияние мирового кризиса на российскую экономику, расходы на гражданскую науку в федеральном бюджете составляют 159 миллиардов рублей, и при подготовке бюджета на 2010 год министерство финансов впервые включило отдельным приложением пояснительную записку, в которой расписаны полностью все расходы. И с этим приложением можно было ознакомиться на сайте Госдумы РФ», — сказал А. Наумов.

Вопрос модернизации российской науки является одним из ключевых для страны. В России подавляющее большинство научных организаций приходится на государственный сектор. С учетом этого Правительство РФ приняло постановление, в котором определен порядок оценки научных организаций, а Минобрнауки РФ разработало методику, по которым такая оценка будет делаться. К концу 2010 года эти организации будут оценены. Важны, продолжал А.Наумов, и новые формы организации науки. Одной из них является «создание национального научно-исследовательского центра на базе Курчатовского института, в который будет включен Санкт-Петербургский институт ядерной физики, два института госкорпорации «Росатом» — Институт физики высоких энергий и Институт теоретической и экспериментальной физики». Предстоит и большая работа с нормативами, в том числе, и подготовка проекта закона, поскольку создаваемый институт — совершенно новая форма организации, которая будет наделена широкими полномочиями не только для ведения научной, но и инновационной деятельности.

Крайне важным для реализации государственной научно-инновационной политики является Федеральный закон ФЗ-217, принятый в 2009 году, и расширяющий возможности для вузов и научных организаций Российской академии наук по созданию малых предприятий для того, чтобы через эти предприятия осуществлять коммерциализацию научных разработок.

А. Наумов сообщил, как он выразился, «новости с пылу, с жару» — меры со стороны Правительства РФ по поддержке развития научной составляющей в вузах, развития кооперации науки и производственных предприятий. К их числу относится выделение 30 миллиардов рублей для содействия ведущим университетам, в том числе МГУ имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургскому государственному университету как национальным вузам, а также пяти федеральным университетам. Министерством образования и науки России проведен и дополнительный конкурс по национальным исследовательским университетам — это еще 14-16 вузов. В целом, финансирование носит весьма существенный характер. Так, только в 2010 году на

нужды федеральных университетов выделяется 5 млрд. рублей, двум национальным университетам выделяется 5 млрд. рублей, и 14 новым исследовательским университетам — также 5 млрд. рублей.

Подготовлены четыре проекта постановлений. Первый — «О поддержке развития инновационной структуры в университетах Российской Федерации» (на это в 2010 году выделяется 3 млрд. рублей). В рамках этого проекта постановления, который в ближайшее время будет подписан главой правительства, предусмотрена и поддержка малых инновационных предприятий, которые создаются в соответствии с ФЗ-217. На сегодня с момента принятия этого закона 2 августа 2009 года уже создано 223 таких предприятия. Второй проект постановления - «О развитии кооперации ведущих университетов и производственных предприятий» на трехлетний период (в 2010 году выделяется 6 млрд. рублей, а общий объем предусматривает 19 млрд. рублей). Причем, впервые в практике Российской Федерации документ предусматривает выделение государственных субсидий для коммерциализации научных разработок с тем, чтобы за счет этих субсидий коммерческая организация оплачивала проведение ведущими университетами научных исследований и в последующем за счет собственных средств производила выпуск продукции на основе этих разработок. Третий проект — «О привлечении ведущих ученых в вузы России». Это трехлетний проект с общим объемом финансирования 12 млрд. рублей, из них 3 млрд. рублей выделяется в 2010 году. Наконец, проектом «О государственной программе поддержки научных проектов, реализуемых вузами и научными организациями в целях интеграции» предусмотрено выделение 2 млрд. рублей в 2010 году.

Эти меры должны обеспечить эффективную финансовую поддержку развитию сферы науки и образования России. Разработан и проект законов о государственных академиях наук, где будут определены недостающие механизмы, из-за отсутствия которых затруднена деятельность государственных академий наук в Российской Федерации.

Выступивший затем Ричард Бургер, советник по науке и технологиям Представительства Европейской комиссии в России, коснулся вопросов взаимодействия Евросоюза и стран Восточной Европы и Центральной Азии в сфере научных разработок и технологий. «Мы в Евросоюзе заинтересованы в том, чтобы создать устойчивую базу знаний для обеспечения роста социально ориентированной экономики. Европейская комиссия разработала программу «Европа-2020», которая определила приоритеты в этой области и призвана стать ускорителем прогресса», —

отметил, в частности, он. Одна из инициатив этой программы — это так называемый Союз инноваций, определяющий доступ к финансированию в области инноваций для того, чтобы инновационные идеи помогали создавать товары и услуги. Таким образом, передовая международная практика в области инноваций является и для Еврокомиссии важнейшей темой. «Мы видим, что наши соседи в Восточной Европе также признают важность исследований в сфере науки и технологий как главных приоритетов на перспективу», - сказал Р. Бургер. Практически в каждой области науки и технологии Комиссия европейских сообществ (КЕС), по его словам, рассматривает участие партнеров из Восточной Европы, что способствует эффективности сотрудничества. КЕС подписала ряд соглашений в области развития технологий с Россией и Украиной и сейчас ведет переговоры с РФ о заключении нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. КЕС стремится развивать также диалог с другими странами Восточной Европы и Средней Азии. Специальные рабочие группы занимаются разработкой политики в отношениях со странами Южного Кавказа, Казахстаном. То есть достигнут достаточно заметный прогресс.

Сегодня заметна активизация участия стран Восточной Европы и Средней Азии 7-ой Рамочной программе (по сравнению с предыдущей 6-ой программой) и сейчас КЕС запускает новую программу, призванную поднять уровень взаимодействия Евросоюза со странами центральноазиатского региона. Р.Бургер указал на заинтересованность со стороны КЕС в участии стран Восточной Европы и Центральной Азии именно в европейских программах, а не только в программах Евросоюза. Ведь большая работа в области науки и инноваций ведется в других странах Европы, в США. «Я полагаю, что речь должна идти о своего рода панъевропейской программе сотрудничества», – заметил представитель КЕС, отметив, что комиссия приветствует «тот факт, что ее партнеры из стран Восточной Европы и Центральной Азии участвуют в этих программах и ведут активный диалог, поддерживая прямые контакты с различными организациями и учреждениями». Все это способствует выработке новых подходов к сотрудничеству в области науки и техники. А сотрудничество России с Евросоюзом может, по его словам, служить примером для других стран.

Проблемам научно-технической и инновационной политики посвятил свое выступление Люк Джорджиу, профессор Института инновационных исследований Университета Манчестера (Великобритания). Он, в частности, коснулся обсуждаемых проблем в их более широкой экономической взаимосвязи, в том числе и под углом зрения восстановления экономики в послекризисный период, рассказал о перспективах

сотрудничества в области наук и инноваций. Он говорил и о тех задачах, которые стоят перед Россией и ее соседями, а также Евросоюзом, в нынешних условиях. В Евросоюзе ВВП весьма различается в развитых и менее развитых странах. «В условиях кризиса, – сказал Джорджиу, – наша политика определялась интересами спасения банков, всякого рода монетарными соображениями и попытками продолжать экономическое развитие. Но наличие долгосрочных долгов мешает экономическому росту, в том числе и развитию науки, технологий и инноваций, с помощью которых можно было бы решать возникшие экономические и социальные проблемы».

Л. Джорджиу назвал несколько каналов, по которым, как он выразился, «знания перетекают в экономику». Бизнесмены более всего заинтересованы в производительности труда и в квалифицированной рабочей силе, важна также и коммерциализация, знания, опыт, навыки, которые «должны быть доступны для научных учреждений». Чтобы получить нечто инновационное, необходимо сближение всех этих условий. Инновации – это необязательно только НИОКР, но еще и инновации в социальной и организационной сферах. Есть четыре типа ключевых каналов, по которым мы получаем инновации. Первый – это люди. «На нужном направлении надо иметь правильно выбранных людей с критической массой знаний, способных идти на риск». Второй – это финансовые потоки, третий – услуги (научные инкубаторы, технопарки), а также различное оборудование, необходимое для того, чтобы испытывать качество этих услуг. И, наконец, это знания, исходящие не только из университетов, но также из других учреждений и сфер – бизнеса, творческого сектора. «Эти четыре типа потоков и образуют экологию знаний», – сказал британский ученый.

На симпозиуме выступили также заместитель директора департамента системного анализа и стратегического планирования Министерства промышленности и торговли РФ Владимир Мальцев, ведущий эксперт КЕС в области наук и инноваций, директор департамента политики Совета по науке и технологиям Мальты Дженнифер Харпер. Определению научных приоритетов России посвятил свое выступление заместитель директора Института статистических исследований и экономики знаний, директор Форсайт-центра ГУ-ВШЭ Александр Соколов, рассказавший также о перспективах научного прогнозирования Форсайта и критических технологий.

Проблемам укрепления сотрудничества между странами СНГ и ЕС, институциональным реформам в государственном секторе науки и технологий было уделено главное внимание в ходе вечерней сессии симпозиума.

В рамках конференции состоялись дискуссии о государственном и муниципальном управлении, о жилищной реформе, о налоговой реформе и ряде других проблем развития страны. В частности, 7 апреля прошла сессия «Новые тенденции в организации и функционировании государственного аппарата».

Работа сессии началась с выступления Серика Капарова, первого вице-ректора Академии госуправления при президенте республики Казахстан. Г-н Капаров рассказал собравшимся о направлениях реформы государственной службы в Казахстане.

Поводом для реформ системы государственных услуг во всех странах является их неэффективность, а именно плохое качество предоставляемых услуг на фоне высоких издержек их предоставления.

Одним из аспектов казахских реформ государственных услуг стало избавление от влияния политического аппарата на аппарат государственных служащих. Хотя, по словам Серика Капарова, от политического влияния государственные службы пока не избавлены: за сменой политической элиты неизбежно следуют изменения в составе административных служащих.

Вторым аспектом реформ стала новая кадровая политика в области государственной службы. На государственную службу начали принимать на конкурсной основе, также принимаются меры для привлечения на госслужбу высокопрофессиональных специалистов. Препятствием здесь, в частности, является непрозрачность возможностей карьерного роста.

Кроме того, была введена система общественного контроля за работой чиновников. В Казахстане существует Дисциплинарный совет, который подчиняется напрямую президенту. В этот совет входят представители СМИ, бизнеса, местной власти. По словам г-на Капарова, заседания этого Совета, на которых нерадивым чиновникам устраивают «общественную порку», собирает больше зрителей, чем любые сериалы.

Однако нельзя не заметить, что успешность проведения административной реформы в Казахстане напрямую зависит от авторитета президента республики, что может стать препятствием для преемственности реформ.

Александр Оболонский, заместитель декана факультета государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ, заметил, что казахский опыт дисциплинарных советов может быть крайне любопытным и для России, ведь это реализация административной юстиции.

В своем выступлении г-н Оболонский попытался вписать реформы государственной службы в более широкий социальный контекст. По словам профессора Оболонского, сейчас меняется сама логика отношений между государством и гражданами. «Государство все больше воспринимается не как высшая сила, а как машина оказания платных услуг населению», – констатировал А. Оболонский.

Однако наблюдаются и противоположные тенденции – усиление государственного контроля за различными сферами жизни. Сталкиваясь со снижением авторитета государственной власти, такие тенденции влекут настороженное отношение со стороны граждан.

Этими глобальными изменениями обусловлены изменения в функционировании государственной службы. Здесь, по мнению г-на Оболонского, происходит отказ от пожизненной карьеры и рост межотраслевой мобильности служащих; передача функций формирования аппарата чиновников от профессиональных госслужащих обществу; увеличение прозрачности в работе государственных органов. В России все эти изменения происходят крайне медленно.

Владимир Лобанов, зам. директора Государственного университета управления, сосредоточился на проблемах реформирования государственной службы в России и на теоретических основах этого процесса.

Все институциональные реформы госслужбы, по словам г-на Лобанова, проходят три этапа: этап внедрения нормативно-правовой базы, этап создания институтов для совершенствования государственной службы и этап повышения эффективности работы этих институтов. Россия сейчас застряла между вторым и третьим этапами.

Лобанов тонко заметил, что в России реформы государственной службы, безусловно, идут, но эти реформы не приводят к развитию государственной службы.

Опираясь на опыт западных стран, г-н Лобанов утверждает, что для создания эффективной государственной службы нам нужно внедрить рациональное бюрократическое управление на основе новых информационных технологий и новой культуры управления.

Алексей Барабашев, декан факультета государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ, рассказал о проблемах внедрения в России подхода «new public management». Этот подход к государственным услугам появился на западе в 70-х годах прошлого века. Подход базировался на заимствовании из бизнеса принципов

управления и оказания услуг. В России эту парадигму начали внедрять спустя тридцать лет, но мы не учли целый ряд проблем, связанных с этим подходом.

Когда в России появились деньги на реализацию федеральных программ, увеличилась коррупция. Для борьбы с коррупцией были усилены контролирующие государственные органы. Как следствие, коррупция переместилась туда. Процесс реализации программ развития все больше бюрократизируется и тем самым блокируется.

А если бы мы изучили опыт США в применении подхода new public management, то знали бы, что нужно усиливать участие граждан в контроле за действиями чиновников, а не расширять контролирующие органы внутри государственной власти.

По мнению г-на Барабашева, России предстоит пройти тот же путь, что прошли США в переходе к модели партнерских отношений государства и гражданского общества. «И Россия будет наступать на те же грабли», — сказал он.

Большое внимание участников конференции вызвал круглый стол «Закон, правоприменение и интересы хозяйствующих субъектов – применимо ли прецедентное право в России?».

Может ли российский бизнес доверять российскому суду? Как соотнести «правила игры», установленные на уровне бизнеса и бюрократии, с формальной буквой закона? Как связать экономическую целесообразность и законодательные нормы? Кто уполномочен создавать правовые прецеденты в России? И кто сможет им следовать? Ответы на эти вопросы попытались найти участники круглого стола, ведущими которого стали научный руководитель ГУ-ВШЭ Евгений Ясин и декан факультета права ГУ-ВШЭ Евгений Салыгин. Российская судебная власть на встрече была представлена одной из своих знаковых фигур — председателем Высшего арбитражного суда РФ Антоном Ивановым, который в своем выступлении попытался примирить экономистов и юристов, апологетов континентальной и англосаксонской судебной модели, реформаторов и консерваторов.

Отмечая изменения в работе арбитражных судов за последние годы, Антон Иванов обратил внимание на то, что они в значительной степени связаны с трансформацией структуры крупного российского бизнеса: в арбитраж теперь обращаются не фирмы-однодневки, судьба которых напрямую зависит от принимаемого судебного решения, а серьезные компании, не планирующие бесследно исчезать с рынка. Катализаторами интенсивности обращений в арбитраж стали экономический кризис и «исключение других принудительных вариантов разрешения

хозяйственных споров». Но загрузка судов по стране неравномерна, основная масса разбирательств случается в промышленных регионах, а вот активность арбитража где-нибудь на Кавказе находится на уровне, близком к нулевому.

Работы у 30 тысяч судей прибавляется еще и потому, что российский бизнес крайне неохотно соглашается разрешать споры в досудебном порядке и заключать мировые соглашения. Кроме того, некоторые бизнесмены пытаются договариваться о разрешении спора не с оппонентом, а с судьей. «Важно создать ситуацию, при которой бизнес бы не рассматривал суд как способ незаконно решить свои проблемы за счет противоположной стороны», — подчеркнул в связи с этим Антон Иванов.

Одним из шагов на этом пути может стать обращение к практике использования судебных прецедентов. В этом случае судьи, которые довольно часто имеют право расширительного толкования норм закона, могли бы при вынесении решения ссылаться на мнение своих коллег, рассматривавших аналогичные дела. Такая своеобразная «коллегиальность», возможно, защитила бы отдельных судей, особенно в регионах, от давления со стороны участников хозяйственного спора.

Другой аспект принятия качественных и мотивированных судебных решений, за развитие которого особенно ратуют представители бизнеса, — это применение экономического анализа при рассмотрении дел в арбитраже. Правда, это оружие — обоюдоострое. Если бизнесмены надеются с помощью результатов экономического анализа отбиться от обвинений в сговоре или монополизации рынка, то арбитражные судьи — например, подтвердить случаи ухода от уплаты налогов. Кстати Антон Иванов довольно эмоционально отреагировал на реплику из зала, касавшуюся «презумпции виновности» предприятий, практикуемой арбитражными судами при рассмотрении налоговых дел. «А вы, что, хотите, чтобы жирные коты от бизнеса и дальше обдирали общество и уводили свои средства в оффшоры, прикрываясь при этом презумпцией невиновности?» — удивился председатель Высшего арбитражного суда.

Но суды, по словам Антона Иванова, могут хозяйственные споры не только разрешать, но и предотвращать — в том случае, если будет принято законодательство, которое бы позволяло представителям арбитража выступать посредниками на стадии досудебных разбирательств. По иронии обстоятельств, противниками наделяния арбитражных судов такой консультативной функцией выступают как раз фискальные органы, вероятно, опасющиеся, что их налоговые претензии к бизнесу будут сниматься, не доходя до суда.

Отвечая на вопрос Евгения Ясина о том, насколько широким может стать применение прецедентного права в России, Антон Иванов сказал, что не ставил бы задачу перестроить российскую систему права по англосаксонской модели. Российские судьи и суды, по его мнению, еще не «дозрели» до того, чтобы стать альтернативой официально принимаемым законам. Евгений Ясин, в свою очередь, заметил, что научить судей выносить правосудные решения без повседневной практики не получится, а в странах с прецедентным правом у судей есть стимул судить честно. «Закон дает судье определенную свободу в принятии решений, но судья за эту свободу платит, – полагает научный руководитель ГУ-ВШЭ. – Цена – это его репутация. Если окажется, что он мздоимец, его карьера закончится».

Беспокоиться о своей репутации судье-коррупционеру в России приходится куда меньше. Россия слишком большая страна, чтобы можно было уследить за каждым судьей, а проступок одного судьи не должен приводить к «огульному шельмованию» всей судебной системы, считает Антон Иванов. Кроме того, подавляющее большинство сообщений о фактах коррупции в судах никогда не подкрепляется конкретными свидетельствами. «Ну и какие решения можно принимать на основе таких жалоб?» — развел руками глава Высшего арбитражного суда, одновременно напомнив, какой критике он подвергся за то, что за пять лет сменил 60% председателей арбитражных судов в регионах.

Взгляды бизнес-сообщества на проблемы арбитража и прецедентного права изложили ординарный профессор, заместитель директора Института анализа предприятий и рынков ГУ-ВШЭ Светлана Авдашева и старший научный сотрудник того же института Юрий Симачев.

Юрий Симачев привел данные опросов предпринимателей, которые свидетельствуют, что причинами для обращения в арбитраж являются не столько действия конкурентов, сколько нарушения, допускаемые органами исполнительной власти. В период кризиса положение еще более осложнилось из-за «поспешного принятия ситуативных законов, которые подстраивались под крупный бизнес». Как принятые нормы скажутся на работе небольших предприятий, мало кому было интересно.

«Я недавно прочел у вас, Антон Александрович, – обратился к председателю Высшего арбитражного суда Юрий Симачев, – что, по вашему мнению, предприятия имеют слишком легкий доступ к инициации судебного производства. А, может быть, лучше затруднить этот доступ госорганам? Ведь у бизнеса, особенно малого, много

способа защиты своих прав нет. Введение дополнительных издержек на обращение в суд для таких компаний мне кажется неправильным».

Светлана Авдашева, подчеркнув важнейшую роль арбитража в создании институтов, которые способствуют развитию экономики, с сожалением отметила, что суды «пока не готовы идти на гибкое применение норм, заложенных в нашем законодательстве». Особенно это заметно в сфере антимонопольного регулирования. Не менее важно стимулировать разработку и применение экономического анализа при выработке законодательных норм и правил. Слишком часто, по мнению Светланы Авдашевой, экономический анализ при вынесении судебных решений подменяется «чисто спекулятивными аргументами». Для проведения таких экспертиз она предложила привлекать экономические вузы.

Резюмировала дискуссию ординарный профессор, заведующая кафедрой судебной власти и организации правосудия ГУ-ВШЭ, советник Конституционного суда России Тамара Морщакова. Она констатировала, что судебная система в настоящее время создает помехи для экономического развития страны, хотя в нормальной ситуации правосудие должно меняться, откликаясь на требования, диктуемые экономикой. Моторами совершенствования судопроизводства являются специальные суды, и специализация должна нарастать как внутри арбитража, так и внутри общей судебной системы. Тамара Морщакова согласилась с тем, что фильтры на подступах к судам должны усиливаться с помощью развития мировых процедур, но правосудие в любом случае должно быть равным для всех, а «правовой характер решений судебной власти возможен только в условиях полной судебной независимости».

Касаясь темы прецедентов, Тамара Морщакова напомнила, что в английской правовой системе они появились ввиду нехватки статутов и впоследствии вливались в нормы формального законодательства. Так стоит ли России сейчас идти в обратном направлении? Решение проблемы Тамара Морщакова видит в другом - использовании прецедентов как своего рода иллюстративных материалов к постановлениям пленумов высших судов, которые являются обязательными для нижестоящих судебных инстанций. Для этого необходимо развивать каналы распространения информации о выносимых судебных решениях, которые сделали бы их доступными, а анализ этих решений и выделение ключевых, наиболее «поучительных» из них должен стать еще одной обязанностью высших судов.

Но, совершенствуя судебные технологии, не нужно забывать о главном – авторитете закона и суда. Судебные решения не становятся справедливыми только

потому, что их выносит авторитетный судья. Напротив, судья зарабатывает свой авторитет потому, что выносит справедливые решения. Об этом Тамара Морщакова призвала задуматься не только судебное, но и бизнес-сообщество. «Нельзя исходить из тезиса, что закон не может быть соблюден и никогда не будет соблюден», — резюмировала она.

Вторая тема конференции «Сбережение народа: демографический, социально-экономический и политический контекст». Необходимость обсуждения этой темы обусловлена, по мнению Евгения Ясина, тем обстоятельством, что население России будет сокращаться. Возмещать новый дефицит придется повышением не только производительности труда, но и ценности человека. Эта проблема играет принципиально важную роль. Необходимо учесть те угрозы, которые связаны со снижением численности трудовых ресурсов, и активно работать над проблемой улучшения общей культурной и профессиональной подготовки кадров. И, конечно, очень много зависит от того, насколько быстро и качественно будет развиваться здравоохранение. Высшая школа экономики также подготовила по всем этим вопросам большой доклад.

Первым на заседании выступил Александр Жуков, заместитель председателя Правительства РФ. «Все, что происходит в экономике, промышленности и во всех остальных сферах – лишь среда, в которой живут люди. Поэтому наша главная задача – улучшить положение граждан страны, продлить срок их жизни, сделать условия их проживания более комфортными. Одним словом, улучшить качество человеческого капитала», – так он начал свое выступление и подчеркнул, что задача сбережения нации требует комплексного подхода и модернизации основных сфер жизнедеятельности современного человека: здравоохранения, образовательной системы, развития социальных институтов, культуры, рынка труда, молодежной политики, повышения доступности жилья, совершенствования системы пенсионного обеспечения, улучшения экологической ситуации. По мнению Александра Жукова, за несколько лет реализации национального проекта «Здоровье» удалось значительно улучшить качество, доступность медицинской помощи и лекарственное обеспечение населения. Успешность проекта проверяется его результатами: рождаемость за период с 2005 по 2009 год увеличилась на 6%, смертность сократилась на 12%, а естественная убыль населения уменьшилась почти в 3,5 раза. «Несмотря на кризис, 2009 год стал первым годом в истории современной России, когда нам удалось сохранить численность населения страны, – отметил он. – Тем не менее, продолжительность

жизни россиян остается по-прежнему очень низкой, и наша страна существенно отстает от большинства развитых стран в этом отношении».

Аркадий Дворкович, помощник Президента РФ, остановился в своем выступлении на соотношении приоритетов государственной социально-экономической политики. «Одновременный рост численности и продолжительности жизни людей, живущих в России, является главным критерием успеха всей государственной политики, – сказал он. – Если, несмотря на выполнение всех планов и задач, несмотря на принятие новых законов и постановлений, мы увидим, что эти два показателя не улучшаются, значит, политика государства оказалась неудачной». Аркадий Дворкович считает, что пришло время изменить социальную политику в стране. «Нужно осторожно и внимательно начать подготовку к серьезным социальным изменениям на основе общественного обсуждения методов реформирования социальной сферы. Общие рецепты всем понятны, нужны конкретные планы для постепенной реализации. Откладывать обсуждение этих изменений, безусловно, больше нельзя».

Индермит Гилл, главный экономист Всемирного банка по Европе и Центральной Азии, считает, что россияне не проявляют мобильности, необходимой для развития, диверсификации и модернизации экономики. «Миграция может помочь России стать современным государством с высокими доходами. Чтобы стимулировать мобильность капитала, рабочей силы и идей, России нужно облегчить населению процесс переездов. Концентрация производства, миграции и новации позволили Китаю достичь поразительных темпов роста экономики, а Москва предлагает коммунистический сервис по капиталистическим ценам. Похоже, что этот город смотрит на себя, а не на мир», — добавил господин Гилл.

Презентация ординарного профессора, директора Института демографии ГУ-ВШЭ Анатолия Вишневого под названием «Сбережение народа или депопуляция России» вызвала огромный интерес аудитории, поскольку, по выражению Евгения Ясина, научного руководителя ГУ-ВШЭ, «заставляет думать и действовать». Эпиграфом для своего выступления Анатолий Вишневский выбрал высказывание Михаила Ломоносова: «Полагаю самым главным делом — сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». «Депопуляция, или сокращение населения, России – прямое свидетельство того, что дело со сбережением народа обстоит у нас нехорошо, – отметил Анатолий Вишневский. – Не оспаривая некоторого улучшения общей демографической картины в последние годы, хочется все

же предостеречь от чрезмерного оптимизма и эйфории в отношении демографических тенденций ближайшего будущего. Россия входит, пожалуй, в самый сложный период своей демографической истории». По мнению Анатолия Вишневого, существуют объективные ключевые факторы, на которые практически невозможно воздействовать и которые будут сильно ограничивать, или даже блокировать выход страны из состояния депопуляции. К таким факторам относятся следы низкой рождаемости в 1990-е годы и значительное уменьшение работоспособного населения. Речь идет не только об абсолютном уменьшении численности населения, но и – что более важно и тревожно – об изменении возрастной структуры населения, его непреодолимого старения. На вопрос «За счет чего можно преодолеть депопуляцию страны?» Анатолий Вишневский сказал, что – только целым комплексом неотложных мер, которые должны включать в себя снижение уровня смертности граждан России и увеличение продолжительности их жизни за счет повышения качества и доступности здравоохранения и реформирования социальной сферы, а также продуманную политику по привлечению, обустройству и интеграции мигрантов в стране.

Директор Института исследований рынка труда в Бонне Клаус Циммерманн обратил внимание участников пленарного заседания на основные проблемы миграции в Европе, связанные и с мировым экономическим кризисом, и с национальными особенностями внутренней миграционной политики стран Европейского союза, а также на преимущества и перспективы развития трудовой миграции в целом.

Профессор Морин Пирог, специалист в области публичного управления Университета Индианы, США, говоря о глобальных экономических и демографических тенденциях и об их влиянии на программы социального развития в России, предложила обратить особое внимание на активизацию борьбы с курением и пьянством, на усиление оздоровительных программ для детей, подростков и молодежи, всемерную профилактику рисков распространения СПИДа, развитие жилищной программы, предотвращение аборт и расторжения браков. Особые надежды профессор Пирог возлагает на значительное увеличение миграции в Россию для преодоления демографического кризиса и восполнения трудоспособного населения страны.

Огромное внимание на конференции было уделено проблемам образования. В

Выступивший на пленарном заседании министр образования и науки России Андрей Фурсенко отметил критическое изменение численности учащихся средних школ: за последнее десятилетие количество школьников сократилось с 21 миллиона до 13 миллионов человек, то есть на 40%. При этом количество школ уменьшилось

только на 25%, а преподавательский состав – на 20%. «Поскольку до 2005 года наблюдался рост количества студентов и числа вузов, особенно негосударственных, коррекционные меры образовательной реформы не подготовили нас к предстоящему и очень сильному демографическому спаду, который продлится по крайней мере до 2016 года. По самым оптимистичным прогнозам, количество студентов в ближайшие 3 года уменьшится на 2 миллиона человек. Понятно, что этот спад отразится на экономике и развитии страны. Поэтому совершенно необходимы серьезные изменения в образовательной системе государства и, прежде всего, реструктуризация общего и профессионального образования».

Ректор ГУ-ВШЭ Ярослав Кузьминов продолжил тему образования и высказал мнение о том, что сама постановка вопроса о сбережении нации для тех, кто занимается образованием – совершенно необычна: «Образование не для инновационного развития, не для умножения стратегической силы государства, а для сохранения народа – что это значит? Какую повестку дня это задает? В какой степени мы должны модифицировать традиционные для российского образования задачи?» По мнению ректора необходимо попытаться ответить на следующие вопросы. Что делает образование с бедностью? Как образование работает не с элитой, а с теми, кто остается за бортом хороших школ, исследовательских и федеральных университетов? Как образование помогает справиться с нехваткой квалифицированной рабочей силы? Как влияет на производительность труда? Обозначив направления для серьезных размышлений и анализа, Ярослав Кузьминов отметил, что такая повестка дня пока находится далеко не в центре образовательных дискуссий и исследований не только в России, но и в большинстве других стран.

Участники сессии «Экономика образования» в своих докладах не только рассказали о происходящих в течение последних лет изменениях в финансировании высшего образования и экономической отдаче от него, но и представили прогноз возможного развития событий. Сессия была открыта выступлением директора Института развития образования ГУ-ВШЭ Ирины Абанкиной. В первой части доклада было проанализировано бюджетное финансирование вузов с 2003 по 2009 год (мониторинг проводился в 30 вузах 7 федеральных округов). Оказалось, что в течение этого периода оно из года в год росло высокими темпами, которые сохранились, несмотря на кризис. Так, в 2008 году расходы на одного студента в среднем составили 80 тыс. руб., а в 2009 году — 103–105 тыс. руб. При этом кризис повлиял на направления, в которых стали тратиться бюджетные средства: в 2009 году почти

в 3 раза больше средств стало расходоваться на нефинансовые активы (увеличение стоимости основных средств и материальных запасов). Даем больше денег на что угодно, только не на зарплату — таков был вердикт Федерального агентства по образованию РФ.

Как отметила И. Абанкина, утверждение, согласно которому все вузы имеют платные контингенты и хорошо на них зарабатывают, не соответствует реальности: лишь в 16 субъектах РФ эта статья доходов составляет в бюджетах вузов значительную часть. Вообще же динамика темпов роста бюджетного и внебюджетного финансирования вузов свидетельствует о том, что в то время как первое продолжает расти, темпы роста второго сокращаются. Таким образом, сделала вывод И. Абанкина, платное образование находится на «точке исчерпания своего ресурса».

Не менее интересные данные она привела по поводу экспериментального финансирования вузов на основе государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) в 2002–2003 годах. Этот эксперимент проводился в нескольких регионах. Во время его проведения, сопряженного с началом введения ЕГЭ, вузы были заинтересованы, прежде всего, в «качественных» абитуриентах, которые приносили большее финансирование. Верхняя грань оценок ЕГЭ, полученных при поступлении первокурсниками этих вузов, составляла 89–95 баллов за предмет, нижняя – 60. Однако, как только эксперимент был прекращен, а бюджетное финансирование университетов перестало зависеть от результатов экзаменов абитуриентов, 90% вузов стали расширять бюджетный прием в ущерб качеству поступающих: средние баллы, полученные на ЕГЭ, стали колебаться в пределах от 30 до 60. То есть, подчеркнула И. Абанкина, в большей части вузов (исключение составляет очень незначительная их часть), уровень абитуриентов и, как следствие, качество подготовки снижается все больше.

Тему набора в вузы, хотя и в абсолютно другом контексте, продолжила Татьяна Клячко, директор Центра экономики непрерывного образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Результаты ее исследования, в частности, показывают, что современные работодатели занимаются кадровым планированием лишь на перспективу не более чем 1-2 года. В связи с чем возникает вопрос об уместности контрольных цифр приема в вузы. Докладчик отметила, что реально экономика сегодня работает со спросом. На рынке труда таковым является заработная плата. И, если инженерам платят немного, то вне зависимости от цифр приема, даже если абитуриентов и удастся привлечь на инженерные специальности, то впоследствии работать по ним выпускники не будут.

Татьяна Клячко представила различные варианты прогноза финансирования российского образования до 2015 года. И если в случае с высшим профессиональным образованием может произойти как недофинансирование, так и чрезмерное поступление средств в данный сектор, то в случае с детскими садами дефицита средств, как считает докладчик, не избежать. Варианты различаются лишь степенью недофинансирования этого сектора образования: от 91,9 млрд. руб. до 26,2 млрд. руб. Хотя столь печальных сценариев, возможно, все же удастся избежать. Проректор, научный руководитель Института развития образования ГУ-ВШЭ Исак Фрумин выразил сомнение в том, что вообще можно планировать финансирование российского образования: ведь планирование, как и прогнозирование, осуществляется «от достигнутого». И показатели могут значительно варьироваться в зависимости от воли отдельных людей.

Менее дискуссионными оказались выводы сотрудников Лаборатории институционального анализа экономических реформ ГУ-ВШЭ Григория Андрущака и Анны Прудниковой об экономической отдаче от высшего образования. В соответствии с представленным ими докладом, самая большая отдача от полученного образования для выпускников вузов наблюдается по экономическим, юридическим и техническим специальностям (в мониторинге были использованы данные по 100 вузам 33 регионов РФ). При этом наиболее значительный эффект на доходы выпускников оказывают отнюдь не вузы, где они учились, и не приобретенные в них специальности, а отрасли и предприятия, где они работают.

Исследователи также обнаружили положительную зависимость между уровнем зарплаты выпускников и статусом вуза, в котором они учились: уровень доходов тех, кто окончил федеральные и национальные исследовательские университеты, а также технические вузы, реализующие программу магистратуры, оказался на 15% выше доходов выпускников прочих вузов. Точно так же, чем выше статус вуза, тем больше бюджетное финансирование в расчете на одного студента. Однако обнаружение выявленных зависимостей не позволяет ответить на очень важный вопрос: нужно ли увеличивать вложение бюджетных средств в федеральные и национальные университеты. Ведь остается неизвестным, почему повышаются доходы выпускников: от того, что вузы их хорошо научили, или от того, что вузы их хорошо выбрали из абитуриентов. И в этой ситуации обоснованы ли вложения бюджетных средств в федеральные и национальные исследовательские университеты?

Сотрудницы Лаборатории институционального анализа экономических реформ ГУ-ВШЭ Елизавета Сивак и Яна Козьмина рассказали о результатах использования новой системы оплаты труда (НСОТ) в школах на примере Новгородской области. По их мнению, в обычных школах НСОТ приводит к последствиям, противоположным тем, что предполагались при его введении, а в школах с углубленным изучением отдельных предметов и в гимназиях, получающих повышенное финансирование, изменений в работе учителей практически не происходит. Как было объяснено, такие результаты могут объясняться следующими причинами.

Во-первых, в обычных школах, где зарплаты достаточно малы, учителя вынуждены прибегать к другим способам увеличения дохода (не только за счет стимулирующих выплат) — например, к работе на административных должностях, к увеличению учебной нагрузки.

Во-вторых, если судить по результатам ЕГЭ, в обычных школах ниже успеваемость учеников, поэтому учителям сложнее достигать роста успеваемости. Следовательно, если учителя и стараются увеличить доход за счет стимулирующих выплат, то выполняют функции, не связанные непосредственно с обучением предмету.

В-третьих, в гимназиях отсутствие изменений в работе учителей связано с тем, что уровень доплаты для этого просто недостаточен. По мнению директоров гимназий, чтобы был толк, доля стимулирующих выплат хорошего учителя должна составлять примерно 50% его зарплаты, на деле же она значительно меньше.

Дискуссантами на сессии выступили ученый секретарь Института региональных экономических исследований Ирина Рождественская и профессор Московского института открытого образования (МИОО) Марк Мусарский.

По мнению Ирины Рождественской, в исследованиях высшего образования необходимо учитывать «внешнюю рамку» — экономическое поведение вузов во многом зависит от ситуации в регионах. Кроме того, растет роль потребителя — абитуриента, который, выбирая вуз в условиях уже повсеместно действующих ЕГЭ, заявляет свою активную позицию, которая влияет на поведение вузов. Основываясь на этом и следует, по ее мнению, выявлять социальные и экономические риски для вузов.

Марк Мусарский отметил, что в России сложилось общедоступное высшее образование — 97,3% выпускников школ получили положительный балл по русскому языку, то есть поступить в вуз может практически каждый, кто умеет читать и писать. При этом реальная успеваемость в школах снижается — отсюда увеличение расходов на «доведение» первокурсников до вузовского стандарта. «Сможем ли мы поддержать

уровень образовательных услуг, которые предоставляем сегодня, чтобы сохранить объем и результаты высшего образования, при этом финансируя не просто деятельность вузов, а их результативность?» – задался риторическим вопросом Марк Мусарский.

Открывая сессию «Проблемы развития профессионального образования», заместитель директора департамента Минобрнауки России Евгений Князев отметил, что в последние годы в структуре российского высшего профессионального образования произошли серьезные изменения. В первую очередь, речь идет о создании федеральных и национальных исследовательских университетов, которые призваны способствовать развитию инновационной экономики страны. В этой сфере остается еще много проблем, для их решения необходимо сравнивать различные подходы и модели, и общим во всех докладах сессии, по словам проректора ГУ-ВШЭ Исака Фрумина, оказалась тема «заимствования политик».

Наибольшие дискуссии вызвал доклад ведущего научного сотрудника Центра трудовых исследований ГУ-ВШЭ Нины Вишневской о связи моделей профессиональной подготовки с моделями рынка труда в современных экономиках. Как отметила докладчик, сегодня российская система подготовки специалистов стоит перед серьезными вызовами, обусловленными следующими тенденциями. Во-первых, это стремление молодежи получать высшее образование, а не среднее специальное; во-вторых, отказ многих предприятий от организации и финансирования обучения; в-третьих, разрыв между количественными и качественными характеристиками спроса и предложения.

В докладе были выделены две модели профессиональной подготовки: немецкая и британская, в каждой из которых эти проблемы решаются по-своему.

Первая характерна не только для Германии, но также для Австрии и ряда стран Скандинавии, где компании и их объединения активно участвуют в процессе обучения специалистов. Они разрабатывают образовательные стандарты, учебные программы, проводят аккредитацию фирм, которые хотят открыть учебные центры, их аттестацию, и являются основными финансовыми донорами системы профессиональной подготовки.

Школьники выбирают между академическим и профессиональным образованием уже в 5–7-х классах, обязательная составляющая системы — обучение на рабочем месте. Существует и общенациональная программа обучения, она распространяется на подготовку определенной профессии в пределах всей страны и единой системы сертификации. Работодателям это позволяет оценить качество

обучения, а работникам — иметь горизонтальную мобильность. Уровень молодежной безработицы благодаря всему этому достаточно низкий.

Недостатки системы выявились, когда глобализация и изменения в системе производства потребовали быстрой адаптации работников к новым требованиям. Но узкая специализация, упор на обучение рабочим профессиям, длительный процесс введения новых профессий, который потребует общенационального согласования, — все это мешает компаниям быстро переориентировать программы обучения своих работников. Это мешает и внедрению новых форм организации труда, когда работники должны замещать друг друга. Кроме того, система плохо приспособлена для переподготовки уже работающих специалистов.

В странах с либеральной экономикой — таких, как Великобритания — предприятие фактически не участвует в организации и финансировании первичного обучения молодежи. У такой системы есть свои достоинства: английская молодежь обладает высоким уровнем общего образования, конкуренция между учебными заведениями стимулирует их обновлять программы повышения квалификации и улучшать качество подготовки. Система быстро реагирует на требования рынка, и нет жестких барьеров между академическим и профессиональным образованием. Но недостатком модели является высокий уровень молодежной безработицы — выпускники менее конкурентоспособны, поскольку не готовы приступить к работе на конкретном предприятии без дополнительного обучения.

Особенности моделей в обеих группах стран связаны с исторически сложившимися моделями рынка труда.

Во-первых, в Германии существуют мощные профсоюзы и объединения компаний, которые способны организовать процесс подготовки кадров и даже применять санкции к тем, кто не хочет в нем участвовать. Так, отвечая на вопрос Исака Фрумина о методах решения проблемы «переманивания», докладчица пояснила, что этим занимаются торговые палаты. Они предоставляют доступ к различным ноу-хау — и за подобное «оппортунистическое поведение» фирма его лишается. В Англии, напротив, институты социального партнерства довольно слабы, охват работодателей объединениями невысок, а профсоюзы не склонны оказывать помощь молодежи — в них входят, в основном, уже состоявшиеся специалисты.

Во-вторых, для стран с координируемой экономикой, как Германия, характерно выравнивание заработной платы работников с одинаковым уровнем квалификации. Минимальная зарплата определяется в коллективных договорах — они являются

общенациональными, — и возможно достижение согласия между представителями работников и работодателями, которое позволяет снизить для компании расходы на профподготовку нового сотрудника (ученики получают лишь треть заработной платы).

Основной вопрос, который возникает при сравнении двух моделей, — может ли Россия как страна с либеральной экономикой использовать немецкую модель? И стоит ли это делать, имея в виду все ее недостатки? Такое сомнение выразил другой докладчик, Джошуа Холи, профессор университета Огайо, сославшись на статью западного исследователя Дэвида Вилсона, где минусы такой системы были показаны еще несколько лет назад. Модель Германии до сих пор пропагандируется в России с помощью Германского общества технического сотрудничества — однако, по словам г-жи Вишневецкой, опыт Англии, которая последние 30 лет пыталась вовлечь работодателей в процесс профподготовки, показывает, что внедрить ее практически невозможно. Более того, на своей исторической родине эта система сейчас модифицируется. Если в Западной Германии она сохраняется благодаря участию крупных компаний в объединениях, то в Восточной Германии программы профподготовки в основном спонсируются государством.

В своем докладе «Изучение результатов высшего образования и объема расходов на научные исследования» («Examining the outputs of higher education and research funding: Focusing on Science, Technology, Engineering and Math (STEM)») профессор Холи затронул другую проблему. «Верите ли вы в то, что сегодня каждый должен иметь высшее образование? — обратился он к слушателям. — Что все молодые люди должны обладать естественнонаучной, математической подготовкой в равной степени? Следует ли учреждениям начального и среднего профессионального образования делать больший упор в обучении именно на эти области? Действительно ли существует дефицит в ученых и инженерах?»

Большинство людей на эти вопросы сегодня отвечают утвердительно. Однако есть ряд скептических возражений: на востребованность специалистов в сфере STEM указывают университетские рейтинги, которые не всегда объективны; необходимость в высшем образовании — скорее желание родителей, чем реальная потребность общества; а дефицит в кадрах в STEM в большей степени объясняется небрежностью проведения исследований рынка труда.

В основу доклада профессора Холи легли результаты исследований, проводившихся им совместно с Институтом статистики ЮНЕСКО (UIS Data) в 1999–2007 годах в разных странах (их количество — от 50 до 208 — зависит от того, по

скольким критериям шло сравнение). Учитывались такие показатели, как рост или уменьшение приема в вузы по естественнонаучным, техническим, инженерным или математическим специальностям, статистика расходов на научные исследования, специализация и другие. Целью исследования было установить, какие существуют различия в высшем образовании в разных странах.

В крупных регионах – таких, как США и Китай – количество выпускников STEM по-прежнему увеличивается, но и более маленькие страны, к примеру, Италия, Словакия или Литва, стараются сейчас догнать лидеров в этом плане. Число людей со средним профессиональным образованием также растет, но это верно не для каждой страны, а скорее для мира в целом. Впрочем, как заметил дискуссант Александр Климов, директор Института технологий образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, вероятно, с развитием постиндустриального общества специалистов по созданию новых технологий производства будет требоваться меньше. Для этого вполне достаточно 10–20% населения Земли.

Продолжая тему «заимствования» образовательных политик и инструментов, другой пример привел в докладе «Некомпенсаторное агрегирование и рейтингование студентов» студент факультета бизнес-информатики Нижегородского филиала ГУ-ВШЭ Алексей Гончаров. Среди групп этого факультета было проведено рейтингование двумя различными способами — традиционным, принятым в ГУ-ВШЭ, и некомпенсаторным, при котором низкие оценки участников оценивания не могут быть компенсированы никакими самыми высокими оценками и даже их количеством. Такой метод применяется в Нижегородском филиале ГУ-ВШЭ. Исследование представляло интерес уже потому, что стипендия студентам Высшей школы экономики выдается в зависимости от их места в рейтинге (нужно попасть в первые 20%). Однако при использовании стандартной системы рейтингования на верхней позиции может оказаться даже студент, имеющий пересдачи в сессию, – что не вполне справедливо. Некомпенсаторные методы такую возможность исключают, и, вероятно, один из них в дальнейшем будет введен в ГУ-ВШЭ.

Разумеется, кроме этих фундаментальных проблем, на конференции обсуждались и другие вопросы. Вот как звучали темы некоторых сессий и круглых столов:

«Взаимодополняемость и конкуренция моделей развития растущих гигантов: Индия, Россия и Китай в поисках источников роста».

«Новая архитектура мировых финансовых рынков».

«Проблемы реформирования политической системы РФ».

«Гражданское общество».

«Уровни демократического развития (к методологии измерения и сравнения)».

«Финансовое поведение населения».

«Медиа-бизнес в России: выход из кризиса?»

Окончательные выводы представленных исследований еще не сделаны, и работа продолжается. Тем и хороша конференция подобного масштаба – ее формат позволяет ученым не только поделиться с коллегами уже готовыми выводами исследований, но и привлечь внимание к своим планам, обменяться в «живом» общении советами и мнениями, найти заинтересованных для совместных работ.

По материалам Новостной службы портала ГУ-ВШЭ